

Глава 29

Взгляд в сторону Чанлю

Ночь подходила к концу.

Все именитые целители города, осмотрев Се Хунъи, собрались в его резиденции и до хрипоты спорили.

Сам же градоначальник, с утомлённым видом, как только яд Матери Чумы был немного усмирён, удалился в свои покои.

Эта ночь была полна событий: сначала нападение Сюэлянь, затем выход тени из-под контроля, кровавая битва с Божеством, занимающим пустующий престол, и, наконец, напряжённое противостояние с Дань Фэном. Каждый шаг был подобен стреле, выпущенной из лука, и не допускал ни малейшей ошибки.

Какой бы сильной ни была воля Се Хунъи, физическую усталость нельзя было просто стереть. Но стоило ему остаться в тишине, как фонари в его покоях начали беспокойно мигать.

Кольцо из кости, рождающей ветер, разбилось.

Дань Фэн вернулся.

Эти два события, словно два порыва холодного осеннего ветра, переплелись, заставляя его сердце сжиматься. Ностальгия? Ненависть? За прошедшие годы он построил Город Блуждающих Теней, и самые бурные эмоции улеглись, оставив лишь тоску.

След от укуса на запястье тупо болел, пропитанный чужим теплом.

Во взгляде Дань Фэна всё ещё читалась яростная, испепеляющая ненависть.

Но для него всё уже было кончено.

Тогда, чтобы овладеть Техникой Переделки Тени, он пожертвовал своим телом, оставшись лишь одинокой тенью, бесцельно блуждающей, как дикий призрак. Возможно, именно поэтому после Иллюзии из плоти и крови у озера Белой Пагоды он потерял сознание и, плывя по течению, оказался на Призрачном пути Скорбного источника.

Призрачный путь Скорбного источника, согласно легендам, был дорогой, по которой души уходили после смерти, он парил высоко в Млечном Пути.

Река Скорби простиралась на тысячи ли, её берега были усеяны горами из клинков. Призраки, проходящие здесь, могли нести лишь один бумажный фонарь и, спотыкаясь, двигаться вперёд, падая на каждом шагу.

В фонарях горели насекомые теневого мира.

Эти маленькие существа гасли от огня сердца. Чем сильнее была привязанность к земной жизни, тем тусклее светил фонарь, пока, раз за разом падая в реку Скорби, призрак не смывал с себя все воспоминания. Те же, кто продолжал упорствовать, навеки оставались в реке, без права на перерождение.

Он не помнил, сколько раз падал — на горы из клинков, в тёмные воды реки Скорби. Подобные змеям свинцовые потоки цеплялись за его одежду, утягивая на дно.

На дне было холодно, но тихо.

Невидимый голос говорил ему, что чем сильнее цепляешься за мирские дела, тем глубже погружаешься в море страданий. Почему бы не отпустить?

«Я не смирюсь... даже если обиды не искупить, мне нужна лишь эта жизнь! Как я смогу отомстить в этих призрачных будущих жизнях?»

«Заставить их заплатить за всё... обратить вспять потоки ветра и снега... вернуть в этот мир погребённую подо льдом родину и близких!»

Когда-то, когда его страна была разрушена, а меридианы уничтожены, в самый мучительный момент своей жизни он выбрал запретную Технику Переплавки Тени, чтобы вновь обрести силу.

И клятва, данная в реке Скорби, заставила эту технику по-настоящему признать его. Новые указания хлынули в его сознание, торопя его: возвращайся в Чанлю, там ты найдёшь всё, что ищешь.

Покинув реку Скорби, он вернулся в Чанлю.

Двадцать лет спустя он едва узнал свою родину.

Земли Чанлю были скованы льдом на тысячи ли. Чем ближе к столице, тем сильнее был холод. Эта катастрофа планетарного масштаба полностью изменила ландшафт. Даже Пик Изумрудной Завесы был погребён под стометровой толщей льда, и лишь слабое зелёное сияние пробивалось наружу. Что уж говорить о людях.

Столица Чанлю, некогда процветающая, несмотря на осаду Сюэлянь, понесшая огромные потери, всё же насчитывала десятки тысяч жителей. Все они были погребены подо льдом за одну ночь.

Небо и земля поменялись местами. Он стоял на леднике, пытаясь по памяти определить, где находился дворец.

Словно на краю бездны, но даже без возможности прыгнуть. Лишь бескрайний лёд, источающий синий дым.

Слишком глубоко.

Слишком... далеко.

Но наследие Техники Переделки Тени не прервалось. На поверхности льда проступила фреска «Наследный принц Гоуи верхом на журавле». Его предок, принц Гоуи, в развевающихся одеждах, верхом на лазурном журавле, вернулся в Чанлю по Призрачному пути Скорбного источника, не ведая, в каком плачевном положении окажется его потомок тысячи лет спустя.

На фреске появился фонарь с насекомыми теневого мира и три изящных иероглифа.

Духовный чиновник снов.

Он тут же понял. Этот фонарь ждал его.

После Вопрошания тени, Слияния с тенью и Переделки тени новая ступень техники, Духовный чиновник снов, через фонарь проникла в его сознание.

Голос, направлявший его в реку Скорби, разразился безумным смехом.

Нежелание смириться, сожаление, ненависть, зависть... всё это вспыхнуло кроваво-красным светом, и сила уровня почтенного, хлынувшая в него, едва не разорвала его сознание на части.

Хозяин Техники Переделки Тени сошёл с ума.

Се Хунъи даже показалось, что он становится сосудом для его злобы. Если бы от того не осталась лишь тень воспоминания, он бы точно не смог сохранить рассудок.

— Старший, вы приложили столько усилий, чтобы обучить меня этой технике. Чего вы добиваетесь?

Голос продолжал вещать, не обращая на него внимания:

— Я часто... Духовный чиновник снов. Когда же душа во сне вернётся в чертоги Владыки?

«Чертоги Владыки» — древнее название дворца Чанлю.

— У вас глубокая связь с Чанлю, поэтому вы и выбрали меня, — сказал Се Хунъи. — Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Раз уж пути назад нет, усердно изучай Духовного чиновника снов, — ответил хозяин техники. — Когда фонарь будет гореть вечно, ты всё узнаешь.

Фонарь будет гореть вечно? Когда все надежды умрут?

Этот ответ был подобен проклятию.

Ещё больше его встревожила сила Духовного чиновника снов.

Перековка тени была техникой управления мёртвыми объектами. Духовный чиновник снов шёл дальше, управляя живыми. Превращение живых людей в теневых марионеток, управление ими с помощью тени. Такое деяние шло вразрез с небесными законами, и тот, кто практиковал его, в конце концов превращался в кровожадное чудовище, подобное Божеству, занимающему пустующий престол.

Словно прочитав его мысли, хозяин техники рассмеялся:

— Думаешь, ты никогда не использовал теневых марионеток?

Что?

По спине Се Хунъи пробежал холодок, но он не мог этого отрицать. Да... он уже управлял теневой марионеткой, не осознавая этого!

Тогда, в тот миг, когда его дантянь и меридианы были пронзены, у него возникло сильное желание. Убить того, кто стоял перед ним, сделать его марионеткой, оружием для убийства. Как это сделать, шаг за шагом, ясно и соблазнительно, всплыло в его сознании, пока он... не узнал Дань Фэна.

Ирония судьбы, именно Дань Фэн.

Одно неверное решение, мгновение слабости — и вечное падение в бездну.

Тогда он ещё не получил наследие Техники Переплавки Тени, не практиковал никаких техник марионеток, но за ним уже следили?

Но это всё-таки случилось.

Выйдя из озера Белой Пагоды, у него было множество способов применить Иллюзию из плоти и крови, но он почему-то управлял правой рукой Дань Фэна.

Возможно, тень подчинилась самому сокровенному желанию его сердца, желанию, чтобы Дань Фэн положил всему конец за него.

Злая техника переплавки тени давно слилась с его подсознательными решениями, и невидимая рука уже давно проникла в глубины его сознания.

Теневая марионетка. Разве он сам не был теневой марионеткой? Наваждение... желание... ненависть... тысячи нитей, которые никогда не обрубить!

Тонкий бумажный фонарь, неизвестно когда отделившись от фрески, оказался в его руке, колыхаясь вместе с рукавами.

Свет фонаря погас от огня сердца в тот миг, когда он открыл глаза.

Но даже так он не собирался отступить.

Вместе с наследием Духовного чиновника снов в его сознание хлынуло то, от чего он не мог отказаться, то, ради чего он был готов пожертвовать всем.

Чанлю.

По мере того, как тень распространялась, белая ледяная поверхность под ногами внезапно стала чёткой.

Всё застыло в тот миг, когда грянула катастрофа.

Он увидел нефритовые таблички с именами всех настоятелей. Настоятели, как главы клана, в основном сохраняли титул наследного принца. Начиная с принца Гоуи, вечные лампы горели непрерывно, вплоть до принца Хуньи. Тысячелетнее великолепие было собрано здесь, но оно обрывалось на нём.

Два маленьких служки, охранявшие вечные лампы, один сидел, другой лежал, держа в руках сосновые ветви. На их лицах играл румянец, а у спящего были трогательно надуты губы, и

ресницы были видны до единой, словно в следующую секунду он проснётся, протирая глаза.

В отличие от ледяных трупов у озера Белой Пагоды, всё подо льдом дышало странной, зловещей жизнью, соблазняя его открыть эту запечатанную дверь и позволить времени снова потечь.

Они будут поражены, растеряны или обрадованы?

Будучи наследным принцем, он не смог ни защитить, ни удержать.

«В качестве благодарности ты можешь забрать дворец Чанлю. Спрячь его там, где никто не увидит, где ни ветер, ни снег не смогут ему навредить. Если ты... станешь с ним единым целым!»

Се Хунъи резко открыл глаза. Он накинул одежду, и слабая тень распространилась вокруг него.

Весь город был его тенью, улицы были его руками и ногами, фонари — его глазами и ушами. Мрачный город-призрак смотрел на другой мир, погребённый подо льдом.

Повсюду были звуки.

В зале для совещаний спорили целители. В резиденции воины в чёрных доспехах меняли караул, стараясь ступать как можно тише. Дальше, после битвы, гости всё ещё бегали по городу, радуясь тому, что остались живы. Красные нити опали с деревьев, и тени деревьев шуршали.

Он слышал биение сердца города.

И подо льдом... неумолкаемый плач тысяч семей! Десять лет он преследовал его, но стоило ему сосредоточиться, как он превращался в мёртвую тишину.

Се Ни был не в духе. Тень, схватив несколько листов бумаги, быстро складывала их, время от времени дуя на них. Это была его детская забава, он складывал в основном фонарики и маленьких зверушек. Се Ни не обращал на это внимания, пока его взгляд не уловил что-то.

— Что ты складываешь? — тут же строго спросил он.

Он опомнился, и тень, качнувшись, рассеялась.

Но бумажный красный лотос упал на его одежду. Несколько насекомых теневого мира

кружили вокруг него, отбрасывая слабые красные блики.

В сердце Се Ни вспыхнул гнев, и он сжал лотос в ладони.

В то же время по серебряному браслету пробежал холодок, словно откликнувшись.

Дань Фэн сжал его в руке и, обернувшись, увидел пятерых призрачных воинов в чёрных доспехах, преградивших ему путь.

— Не тратьте силы, — сказал Дань Фэн. — Вместо того чтобы гоняться за мной, лучше вернитесь в резиденцию и укутайте Се Хунъи в три слоя, чтобы я его не выковырял.

Он выхватил у одного из них длинный клинок и щелкнул по нему пальцем.

Клинок был выкован из самой тяжёлой и прочной инородной стали, чисто-чёрный, без украшений, и по форме напоминал узкий силуэт.

Силуэт?

Клинки, похожие на тени, воины, молчаливые и слаженные, как тени... неужели они тоже были тенями Се Хунъи?

Нет, без Се Хунъи тень была беспомощной, как только что вылупившийся птенец, а тени, захваченные силой, отчаянно сопротивлялись и плакали. Эти же воины были чем-то средним — у них была своя воля, они могли говорить, и больше походили на паразитирующих на Се Хунъи марионеток.

Техники управления живыми марионетками в большинстве своём были запретными и жестокими, но Техника Переделки Тени сама по себе была зловещей, так что ничего нельзя было сказать наверняка.

— Я-то думаю, с его-то характером, как он мог позволить кому-то следовать за собой по пятам. Неважно, кто вы такие, — сказал Дань Фэн, бросив клинок обратно и вскочив на карниз. — Только что Се Хунъи приказал не убивать меня. Знаете, почему?

Клинки одновременно замерли.

Дань Фэн усмехнулся и протянул правую ладонь. Красная нить порвалась, но у основания пальца остался слабый след.

— Молодожёны, старые чувства не забываются.

При этих словах на бесстрастных лицах воинов появились трещины.

— Чушь! — хрипло произнёс воин во главе.

Хоть Дань Фэн и шутил, его взгляд скользнул по воинам. В его зрачках ещё не погас золотисто-красный свет, и в них читалась звериная жестокость.

В тот миг, когда воин заговорил, правая ладонь Дань Фэна превратилась в лезвие и метнулась к его горлу.

— Уворачивайся! — сказал Дань Фэн. — Всё ещё не уходишь?

Его рука прошла сквозь горло воина, словно погрузилась в холодный поток воды.

Эта привычка превращаться в тень при ударе, определённо, была от Се Хунъи.

Как только эта мысль подтвердилась, его удар стал обманным. Он шагнул вперёд и наступил на тень воина.

— Думаешь, я не достану тебя? Пошёл!

Всё произошло в мгновение ока. Воин перед ним взлетел в воздух, отброшенный на несколько чжанов.

— Всего лишь фокус с обменной формы и тени. Когда его раскрыли, он стал неинтересен, — равнодушно сказал Дань Фэн, выхватив Клинок Фэнъе. Его лезвие, направленное на тень воина, отразило холодный, давящий свет. — У нас с ним старые счёты. Если я разберу ещё несколько марионеток, долг станет ещё больше, и неизвестно, сколько холодных взглядов меня ждёт. Будьте благоразумны, отступите!

Мышцы на лицах воинов дёрнулись. Они переглянулись и одновременно спрыгнули с карниза, оставив после себя облако чёрного дыма. Запах был невероятно сильным, словно в селитру подмешали порошок мускуса.

Дань Фэн резко прищурился. Хоть он и отмахнулся клинком, на тыльной стороне его ладони остался слабый налёт чёрной пыли.

Что за чертовщина?

Он обернулся. В том месте, где он стоял, появилась кривая золотая линия, указывающая на его местоположение.

Но это было ещё не всё. Он нахмурился, поднёс рукав к лицу и оглушительно чихнул.

Чёрт, почему этот запах становится всё сильнее? Хуже, чем вонь Куньлуньского раба. Запах был не резким, но напоминал самца мускусной золотой канарейки в брачный период, который, распушив хвост, носится по всему городу...

Эта птица была известна своим распутством, краснощёкая, с белым лицом, она часто притворялась учёным и заглядывала в окна, особенно любя замужних женщин. В мире смертных её тоже все гнали.

Если бы это был смертельный яд — ладно, но использовать против него такую низкую уловку...

Как только в голове Дань Фэна промелькнула дурная мысль, он услышал, как внизу со скрипом открылось окно, и кто-то выругался:

— Быстрее несите метёлку! Как в Городе Блуждающих Теней завелась эта похотливая птица? Апчхи! Запах слишком сильный.

— Ты не понимаешь. Может, это бодхисаттва её держит. Быстрее гони!

— Где она?

— Недалеко, на крыше. Не дай бог, какую-нибудь девушку обидит. За оружие!

Город только что пережил бурю, все были на взводе и приводили в порядок свои дома. Окна были распахнуты. Из одного высунулся заклинатель в серой одежде, с цветком за ухом, и принялся размахивать метёлкой.

— Кыш, кыш, убирайся!

Он поднял голову и встретился взглядом с мрачным лицом Дань Фэна.

— О, это ты? — удивлённо произнёс он.

— Что? Эта птица — твой старый знакомый? — спросил кто-то.

— Не птица, но почти, — ответил заклинатель с цветком. — Старый вдовец с кислой миной. Наверняка опять собирается чьи-то цветы ломать, чью-то жену красть, по всей улице о любви кричать...

Он всё ещё злился на Дань Фэна за украденный цветок, но под его всё более недобрым

взглядом его голос затих. Он втянул голову и с грохотом захлопнул окно.

— Хочешь меня унижить? Выставить на посмешище? Ошибаешься, — Дань Фэн потёр переносицу и наконец выдавил из себя немного пугающую улыбку. — Мне плевать на свою репутацию. А что до любви, то лучше любить себя.

Он вытянул ноги и сел на крышу.

Но серебряный браслет не нагревался.

Это была единственная вещь, связывающая его с Се Хуньи, и он, естественно, сосредоточился на ней.

Обитель Сихэ славилась своим кузнечным мастерством и поддерживала связи со многими известными мастерами. Поэтому у него было предчувствие, что происхождение наставника Се Хуньи постепенно проясняется. Нужно было лишь распутать нить, начиная с этого браслета.

Мастеров, способных вплавить кость почтенного в серебряный браслет, в мире было немного.

«Думаешь, я не найду тебя?»

Браслет медленно вращался, и холодный свет от его трещины снова и снова отражался на пальцах Дань Фэна. Хоть это и было похоже на перебирание чёток, это нисколько не успокаивало.

Напротив, в его сердце разгорался беспричинный огонь, который в холодном аромате браслета становился всё сильнее.

Опять.

Тень, которую невозможно ухватить, жажда, которую невозможно утолить.

Нет, он только что дрался полночи, и Се Хуньи снова и снова давал ему отпор. Если он позволит своим мыслям и дальше бушевать, он не только не найдёт решения, но и, скорее всего, сгорит в этом ядовитом огне, так и не увидев Се Хуньи.

Спокойствие, размышление.

Дань Фэн с силой остановил вращение браслета и, чувствуя пульсацию в руке, посмотрел вдаль.

Буря утихла, ночной снег тоже прекратился, луна постепенно уходила, и на горизонте виднелись тысячи крыш, похожих на далёкие горы. Звёзды молчали, ещё дальше, за пределами небес.

За те десять лет, что он, голодный и холодный, искал тень в снегу, Се Хунъи смотрел отсюда на ту же самую звёздную реку?

Они были одинаковы.

Звёзды тоже были безжалостны.

Туман, который раньше казался непроницаемым, внезапно слегка рассеялся. Дань Фэн не знал, что и чувствовать. Он лишь коротко усмехнулся и принялся тихонько постукивать по браслету.

Мысли Се Хунъи были непредсказуемы, и он упорно молчал о прошлом. Чтобы поймать его, нужно было думать, как он.

Город Блуждающих Теней, Город Блуждающих Теней.

Одно только название говорило о связи с Техникой Переплавки Тени.

Зачем строить такой город в центре Долины Белого Облака?

С начала снежной напасти весь мир был покрыт белым, ледяных равнин было не счесть. Почему именно здесь?

Раньше он бесцельно бродил по ледяным пустошам и не понимал этого. Но теперь, когда появились звёзды, его осенило.

Его никудышные познания в астрологии позволяли лишь определять созвездия, но этого было достаточно. Он сравнил, и оказалось, что восемьсот ли Долины Белого Облака находятся прямо под Призрачным путём Скорбного источника.

Призрачный путь Скорбного источника — это не название места, а одно из положений солнца на его пути. В древности Мать-Солнце из Сихэ выезжала на большой ладье с востока и двигалась на запад. Когда она достигала места под названием «Скорбный источник», она возвращалась на пустой ладье, а солнце продолжало свой путь на запад, к долине Мэн.

Этот участок пути был окутан тенью солнца и постепенно стал дорогой для душ умерших и духов. Ночью здесь мерцали звёзды, и это место называли Призрачным путём Скорбного источника.

И долина Тан, и долина Мэн — это древние названия.

В наше время это путь от восточной Обители Сихэ до западного дворца Чанлю.

Город Блуждающих Теней, в мёртвой тени солнца, молчаливо смотрел на запад, на погребённый подо льдом Чанлю.

Опять Чанлю.

Дань Фэн сжимал браслет. Он немного починил его в лунном свете и спросил:

— Хочешь домой?

Браслет, конечно, не ответил, но название «Чанлю» глубоко врезалось в его память.

Чанлю, Чанлю, был он там или нет, проверить несложно.

— Эй, Малое возвращение духа, тысяча ли...

Дань Фэн достал из-за шеи Зеркало малого возвращения духа и, взглянув на него, почувствовал, как раздражение снова поднимается.

Эта штука тоже была разбита.

Он мог бы её починить, но где сейчас достать тайный серебряный песок?

Он что-то вспомнил, прыгнул с крыши и с грохотом выбил окно.

— Уважаемый... друг-бабочка!

Изнутри тут же донеслись ругательства:

— Осторожно! Скажи сестре Ван не смотреть, и сестре Ли тоже, не дай бог он своего добьётся... Что? Я сказал «вдовец»? Тьфу, эти смазливые вдовцы ничем не лучше похотливых птиц, все с зелёными глазами на чужих жён заглядываются, он даже на градоначальника Се позарился...